Особиста бібліотека

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ

НАЦІОНАЛЬНИЙ ПЕДАГОГІЧНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
імені М.П. ДРАГОМАНОВА

СИСТЕМА І СТРУКТУРА СХІДНОСЛОВ'ЯНСЬКИХ МОВ: ПАМ'ЯТІ АКАДЕМІКА Л.А. БУЛАХОВСЬКОГО

Збірник наукових праць

НАЦІОНАЛЬНА ПАРЛАМЕНТСЬКА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

КИЇВ
ЗНАННЯ УКРАЇНИ
2006

ББК 81.2я43
С40

Редакційна колегія:

В.І. Гончаров, канд. філол. наук, професор (відповідальний редактор);
А.М. Григораш, канд. філол. наук, доцент (відповідальний секретар);
М.Я. Брицин, докт. філол. наук, професор;
Л.П. Іванова, докт. філол. наук, професор;
Ф.О. Нікітіна, докт. філол. наук, професор;
Н.І. Озерова, докт. філол. наук, професор;
М.Я. Плющ, докт. філол. наук, професор;
О.О. Тараненко, докт. філол. наук, професор;
Л.С. Віннічук, канд. педагог. наук, доцент;
О.І. Дащенко, канд. філол. наук, доцент;
М.П. Дворжецька, канд. філол. наук, професор;
Т.І. Плужнікова, канд. філол. наук, доцент;
Т.В. Слободянюк, канд. філол. наук, доцент;
М.М. Тягунова, канд. філол. наук, доцент;
Н.В. Хруцька, канд. філол. наук, доцент.

Рецензенти:

Н.Л. Іваницька, докт. філол. наук, професор;
Є.А. Карпіловська, докт. філол. наук;
Т.Ю. Ковалевська, докт. філол. наук;
Л.М. Полюга, докт. філол. наук, професор;
О.А. Сербенська, докт. філол. наук, професор.

С40 Система і структура східнослов'янських мов: Пам'яті академіка Л.А. Булаховського: Зб. наук. праць (Редкол.: В.І. Гончаров (відп. ред.) та ін. — К.: Знання України, 2006. — 316 с. Бібліогр. в кінці ст. — Укр., рос.
ISBN 966-7201-26-0

У збірнику вміщено наукові праці докторантів, аспірантів, професорсько-викладацького складу мовознавчих кафедр Національного педагогічного університету ім. М.П. Драгоманова та інших вузів України з актуальних проблем східнослов'янського мовознавства. Тематика статей охоплює питання граматичної будови і лексичного складу східнослов'янських мов, етимології і словотвору, історії і взаємодії мов, культурології і стилістики. Об'єктом лінгвістичного аналізу виступають структурні одиниці різних рівнів мовної системи. У полі зору мовознавців питання фонетики, морфології, синтаксису, лексикології, термінології та лексикографії.

Для викладачів, аспірантів, студентів філологічних факультетів, учителів української та російської мов середніх шкіл та гімназій.

ББК 81.2я43

ISBN 966-7201-26-0

© Національний педагогічний університет імені М.П. Драгоманова, 2006
© Автори статей, 2006

Євдоким (М. Стельмах); в) спрямування дії на користь або шкоду суб'єктові (*зберігати, помічати, водитися, стежити, приберегти* та ін.): *Поїла таращанців чаєм, ходила* ***за пораненими*** (О. Довженко); *Покірною поставою здобудеш більше, ніж криком і кулаком. У всякому разі прибережеш* ***за собою*** *місце* (І. Вільде).. Об'єктні синтаксеми функціонують у прислівній позиції і, як валентно зумовлені, входять до складу речення разом з опорним словом.

Об'єктні синтаксеми можуть виступати як синонім стійкого звороту типу «бути заміжньою за ким»: — *От би* ***за Грицьком*** *бути! Хата є, город є, та й грошенята, мабуть, водяться...* (Панас Мирний).

Отже, синтаксема «**за** + орудний» характеризується досить складним механізмом входження у структуру речення. Основною її функцією є вираження просторового або часового відношення у позиції обставинного поширювача при предикаті.

Прийменник **за** виконує основні функції семантичного маркера локативної і темпоральної семантики. У єдності з формою орудного відмінка іменника (займенника) займає припредикатну позицію. Обмежено функціонує «**за** + орудний» як детермінант із семантикою мети, способу дії, причини.

Функція об'єктного актанта реалізується як валентно зумовлена словоформа у позиції при дієсловах із семантикою: ставлення суб'єкта до особи або предмета; нагляду за об'єктом; спрямування дії на користь або шкоду суб'єктові тощо. У приіменниковій позиції аналізована синтаксема виконує роль атрибутивного поширювача, не зумовленого валентністю пояснюваного слова.

ЛІТЕРАТУРА

1. Вихованець І.Р. Прийменникова система української мови. — К.: Наук. думка, 1980. — 286 с.
2. Вихованець І., Городенська К. Теоретична морфологія української мови. — К.: Пульсари, 2004. — 398 с.
3. Виноградов В.В. Русский язык / Грамматическое учение о слове. — М.-Л., 1947. — 784 с.
4. Золотова Г.А. Синтаксический словарь / Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. — М.: Наука, 1988. — 440 с.
5. Колодяжний А.С. Прийменник. Матеріали до лекцій з курсу сучасної української літературної мови. — Харків: Вид-во Харків. ун-ту, 1960. — 160 с.
6. Курилович Е. Очерки по лингвистике. — М.: Изд-во иностр. лит., 1962. — 456 с.
7. Кучеренко І.К. Лексичне значення прийменника // Мовознавство. — 1973. — №3. — С. 12-23.
8. Мельничук О.С. Історичний розвиток функцій і складу прийменників в українській мові // Слов'янське мовознавство. — 1961. — Т.3. — С. 124-194.
9. Плющ М.Я. Граматика української мови. У двох частинах. Ч.1. Морфеміка. Словотвір. Морфологія. — К.: Вища школа, 2005. — 286 с.
10. Степаненко М.І. Просторові поширювачі у структурі простого речення. — Полтава, 2004. — 462 с.

Е.Ю. Диомидова

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА УБЕЖДЕНИЯ В РЕЧАХ АДВОКАТОВ (СИНТАКСИС)

В данной статье рассматривается и анализируется проблема синтаксической организации категорично утвердительного довода, а также исследуются структурный и семантический аспекты формирования успешного речевого акта в публичных защитных и обвинительных речах выдающихся юристов прошлого А.Ф. Кони, Ф.Н. Плевако, В.А. Александрова.

Тактика и стратегия речевого поведения юристов на сегодняшний день становятся предметом пристального внимания в современной лингвистической науке. Следует отметить, что степень изученности логики и структурной

организованности речевого акта убеждающего дискурса выше в юридической логике, нежели в юридической лингвистике.

Основные положения теории речевого акта были разработаны в научных трудах Л. Витгинштейна, Н.Д. Арутюновой, Ю.Ф. Прадида, Н.Б. Мечковской. Они основаны прежде всего на тезисах, сформулированных в работах Дж. Остина, Т.А. Ван Дайка, Дж.Р. Сёрля.

Процесс речевой коммуникации, по Дж. Остину, это не формальное соединение языковых синтаксических конструкций, но разработка наиболее адекватной речевой стратегии, которую формирует коммуникант в условиях того или иного дискурса: «… соответствующие между словами (=предложениями) и типом ситуации события и т.д., когда утверждение, сделанное с помощью этих слов, указывает на историческую ситуацию данного типа и является истинным, абсолютно и чисто конвенциональным» [5, с.298].

Анализ речевой стратегии и тактики создания перлокуции ведётся с позиций рассмотрения связей «адресант — адресат, адресант — коллективный слушатель», «адресант — адресат — предмет говорения». Это направление исследования в дальнейшем даст возможность не только понять закономерности конструирования языковыми средствами успешного речевого акта в убеждающем дискурсе, но также может способствовать формированию успешной убеждающей речи в современной юридической практической деятельности.

Таким образом, основной задачей настоящей статьи становится выявление закономерностей и индивидуальных особенностей в семантико-синтаксической организации речевого воздействия выдающихся ораторов-юристов.

В качестве предмета исследования выступают речи на суде присяжных юристов 19 — нач. 20 вв., таких как В.А. Александров, Ф.Н. Плевако, А.Ф. Кони.

Исследование структурных и логических компонентов формирования успешного коммуникативного акта базируется на анализе синтаксических и коннотативных особенностей языковых репрезентаций в ситуации убеждения. Ибо, как указывает И.Б. Штерн, обязательным условием осуществления речевого акта является наличие партнёров коммуникации, где коммуникант оперирует понятными для коммуникатов грамматическими и синтаксическими категориями и моделями [7, с.92].

К этим условиям успешной реализации речевого акта необходимо также добавить умение правильно грамматически и синтаксически выстроить высказывание, навык выделения правильной информативно-смысловой референционной установки (выбор актуальной реальности), направить высказывание на достижение перлокутивной цели — всё это спектр возможностей обеспечения языковыми средствами речи убеждающего дискурса.

Необходимо заметить, что П.А. Александров, А.Ф. Кони, Ф.Н. Плевако, как юристы-практики разрабатывали и использовали свою стратегию и тактику в создании публичных речей. Однако, все вышеназванные ораторы имеют ряд общих особенностей в синтаксической и структурной устного выступления в суде присяжных.

Текст выступлений А.Ф. Кони, Ф.Н. Плевако, В.А. Александрова построен в основном за счёт сложных предложений разного типа, более всего используется сложное предложение с разными видами связи. Например: «*Я не имею намерения, господа присяжные заседатели, представлять вашему вниманию историю розги — это завело бы меня в область слишком отдалённую, к весьма далёким страницам нашей истории, ибо история розги весьма продолжительна*» [1, с.15].

НАЦІОНАЛЬНА ПАРЛАМЕНТСЬКА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

«Я не хочу сказать этим, что по соображениям всех обстоятельств дела к подсудимому неправильно применена 1 часть статьи 348 Уложения, но думаю сказать этим, как преувеличены жалобы Протопопова на чрезмерную суровость приговора» [4, с.536].

«Я не стану оспаривать то, чему невозможно поверить, но лучше вам напомню, что весь этот рассказ и свидетельство Досифеи явились уже тогда, когда экспертиза изобличила руку игуменьи в тексте и сходств чернил текста и подписи» [6, с.357].

Во всех приведённых примерах можно отметить также присутствие стандартной модели репрезентации иллокутивной цели (по Сёрлю) перформативными глаголами: «уверен», «убеждён», «знаю». В речи адвокатов такая модель сформирована из конструкции «*местоимение Я (подлежащее) + (глагол 1-го лица — сказуемое)…, но (глагол 1-го лица) …, придаточные предложения изъяснительные, времени, способа действия».* Иначе говоря, с точки зрения успешной реализации языковой установки в речевом акте формируется перлокутивная цель, созданная предикатами экспресивами и эмотивами.

Маркирование начала предложения субъективным вербализованым «двойным» действием с сочинительной связью и последующей цепью придаточных формирует вердиктив, экзерситив, репрезентатив.

Следует также отметить, что особенностью синтаксической организации публичного выступления юриста (в данном случае это А.Ф. Кони и П.А. Александров) в суде присяжных является изобилие вставных конструкций и обособленных членов предложения. Например: «*Являясь защитником В. Засулич, по её собственному избранию, выслушав от неё, в моих беседах с нею, многое, что она находила нужным передать мне, я невольно впадаю в опасение…упустить что-либо, что, по взгляду самой подсудимой, может иметь значение для её дела»* [1, с.11]. *«Должностное лицо признаётся, говорит, между прочим, статья 338 Уложения, превысившим власть, ему вверенную, когда, выступив из пределов и круга действий, предписанных ему по званию или должности, учинит что-либо…»* [4, с.537]. Как видим, данные предложения осложнены деепричастными и причастными оборотами, вводными и уточняющими предложениями.

Синтаксические конструкции в судебных речах П.А. Александрова преследуют, безусловно, прагматическую цель: воздействовать на эмоционально-культурный компонент сознания коллективного адресата, сделать прозрачной для слушателя логику приведения аргументов. Роль дополнительных конструкций отводится вводным словам или вводным предложениям, а также частям сложного предложения. В речах видного адвоката использованы дополнительные конструкции с определёнными значениями.

1. Такие, которые выражают уверенность вероятности сказанного: *несомненно, напротив, действительно, по большей части.*
2. Такие, которые выражают чувства и состояния оратора и коллективного адресата речи: *я разумею, и скажу, все понимают, мы видим.*
3. Конструкции, связывающие порядок и логику рассуждений и аргументов: *в конце концов, во-первых, во-вторых, наконец, следовательно.*
4. Конструкции, обращенные к аудитории, с целью привлечения внимания: *я прошу обратить внимание, я прошу вас воздать честь газете, позвольте процитировать показания.*

Как видим, значения вводных слов и конструкций формируют утверждение, как наиболее распространенный способ изложения материала юристами в суде присяжных.

Функции успешного убеждения в акте коммуникации видные ораторы предоставляют логическому ударению. Некоторые синтаксические конструкции в судебных речах видных юристов исполняют сразу несколько ролей: и реализуют определённые коннотации, и служат логическими акцентами речи. Это, прежде всего, риторические вопросы, цитаты, восклицания. Например: *«Жалкий материал!... Хрупкое создание!...»* [6, с.362]; *«И правильно сделала!»* [4, с.540]; *«Чем был для неё Боголюбов?»* [1, с.20], *«Как же поправить дело?»* [6, с.348]; *«Честное слово связывало уста?»* [6, с.361], *«Наконец, где же гарантия против повторения подобного случая?»* [1, с.23], *«Нужно ли говорить о значении, которое могут иметь эти жалобы и для жалобщика, и для надзирающей инстанции в лице уездного съезда, и для общественного порядка?»* [4, с.539].

Несмотря на сходство форм и закономерностей языкового оформления условий достижения доминирования адресанта над коллективным адресатом в ходе судебного процесса, существует ряд специфических языковых особенностей и в синтаксическом оформлении судебных речей. Индивидуальному ораторскому стилю юриста-практика присущи определённые особенности построения и моделирования синтаксиса и семантики высказывания. Рассмотрим только некоторые из них.

Судебное красноречие Ф.Н. Плевако имеет свою ярко выраженную специфику в области семантико-синтаксических и эмоционально-психологических аспектов конструирования речевого акта. Это частое использование вопросов, риторических вопросов, восклицаний. Например: *«А если это случится?», «Как же поправить дело?», «Где этот Мейергейм? Кто он?»* [6, с.348-349]; *«И кем проделывалось?!»* [6, с.352]; *«Что за бескорыстное служение злу!», «И поработал Макаров!»* [6, с.347].

Подобные речевые приёмы служат одновременно и логическими связями в речи и формируют определённые коннотативные акценты и коды в структуре речевого акта утверждающего дискурса.

Важным структурно-семантическим элементом речей Ф.Н. Плевако является также частое использование неполных, односоставных или нераспространенных простых предложений. Например: *«Она изумлена», «Но довольно об этом»* [6, с.349], *«Пора положить конец!»* [6, с.341], *«В общину и к Макарову»* [6, с.346]. Подобные предложения по своей структурной и семантической организации являются категоричным утверждением, или лаконичным ответом на представленный выше ряд доводов, или же логическим и эмоционально маркированным связывающим элементом речи.

Для судебных речей П.А. Александрова характерен более сдержанный, нежели у Ф.Н. Плевако, стиль убеждения. Его доводы достаточно часто опираются на параллельные конструкции, усложнённые однородными членами предложения, простые и сложные. Например: *«Легко вообразить, как провела Засулич эти лучшие годы своей жизни, в каких забавах, в каких радостях, провела она это дорогое время. Какие розовые мечты волновали её в стенах Литовского замка и в казематах Петропавловской крепости»* [1, с.12-13].

Наиболее эффектным и действенным языковым приёмом убеждающего воздействия на коллективное сознание аудитории является предложение с однородными членами, несущими семантику «увеличения мук жертвы». Например: *«Всё замерло в тревожном ожидании стона; этот стон раздался — то не был стон физической боли — не на неё рассчитывали: то был мучительный стон удушенного, униженного, поруганного, раздавлен-*

ного человеческого достоинства. Священнодействие свершилось, позорная жертва была принесена!.. (Аплодисменты, громкие крики: браво!) [1, с.25].

Для А.Ф. Кони выступление в суде присяжных — это логически стройная и выверенная цепь утверждений подкреплённых ссылками на конкретные статьи конкретных законов, иногда с изложением их содержания. Именно поэтому судебная речь выдающегося юриста построена преимущественно за счёт сложных предложений, цитат из протоколов. Например: «*Содержание под стражей по статье 348 Уложения имеет в виду всякого рода места заключения, не исключая и волостного правления, как это разъяснено правительствующим сенатом ещё в 1871 и 1874 годах по делам Тарабанина и Казинцева…*» [4, с.533].

Однако, ирония как убеждающий приём часто используется видным юристом, причём мастер красноречия удачно использует приложение-цитату и ироническую оценочность в одном высказывании. Например: «*Вся известная нам по делу деятельность его с 8 по 27 сентября представляет нечто вроде музыкальной фуги, в которой звуки раздражения и презрения к закону всё расширяются и крепнут, постоянно повторяя один и тот же начальный и основной мотив: «побить морду»* [4, с.532].

Исследование языковых форм и приёмов, формирующих убеждающий дискурс в судебных речах успешных юристов П.А. Александрова, А.Ф. Кони, Ф.Н. Плевако, показали наличие общих и специфических, индивидуальных черт языковых репрезентаций речевого акта.

Простота и характерность публичных выступлений в суде Ф.Н. Плевако, в которых были использованы вводные конструкции, восклицательные и риторические интонации, направлены более на субъективное восприятие коллективным коммуникатом точки зрения коммуниканта.

Стилю доводов публичного выступления в суде присяжных В.А. Александрова импонирует эмоциональность и логическая стройность речи, которая достигается введением однородных членов предложения, вводных конструкций, побудительной интонационной напряжённости.

Судебное красноречие А.Ф. Кони более логически организовано и материально. Известный юрист использует цитату, ссылку на действующие законы и протоколы следствия.

Синтаксис судебных речей видных юристов имеет и общие черты. Так, палитра речевого акта в убеждающем дискурсе использует сложные семантико-синтаксические и логические соединения, каковым и является сложное предложение, период с разными видами связи.

В завершение необходимо отметить, что перспективным направлением в юридической лингвистике является исследование структурных и синтаксических особенностей построения логических умозаключений и экспрессивных оценок в публичных речах видных ораторов. Как справедливо отметила Н.Д. Арутюнова: «Язык насквозь антропоцентричен. Присутствие человека даёт о себе знать на всём просторе языка, но более всего он отражается в лексике и синтаксисе — семантике слов, структуре предложения и организации дискурса» [2, с.2].

Необходимо, по моему мнению, также продолжить исследование закономерностей использования и выбора языковых средств, которые могли бы обеспечить достижение перлокутивной цели. Необходимость разработки указанной проблемы требует обращения к основным концептуальным положениям теории речевых актов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров А.В. Речи известных русских юристов. — М.: Юридическая литература, 1985. — С. 7-70.
2. Арутюнова Н.Д. Вводное слово // Логический анализ языка — М., 1991. — С. 2-12.
3. Баргашова А.И. Номинативные аспекты невербальных средств реализации дискурсивной стратегии доминирования / Вісник ХНУ №627. — Харків, 2004. — С. 84-87.
4. Кони А.Ф. Избранные произведения. Статьи и заметки. Судебные речи. Т.1. — М.: Гос. изд-во юрид.лит-ры, 1959. — С. 508-543.
5. Остин Джон Избранное. — М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. — 332 с.
6. Плевако Ф.Н. Речи известных русских юристов. — М.: «Юридическая литература», 1985. — С. 303-383.
7. Шторн І.Б. Вибрані топіки та лексикон сучасної лінгвистики. Енциклопедичний словник. — Київ: АртЕк, 1998.

С.В. Котляренко

СТРУКТУРНІ ТИПИ РЕЧЕНЬ З ДІЄСЛІВНИМИ ПРЕДИКАТАМИ РЕЛЯТИВНОЇ СЕМАНТИКИ

У реченні як одиниці когнітивній і комунікативній тісно переплітаються різні значення: формально-граматичне, денотативне, сигніфікативне, семантико-синтаксичне, комунікативне. Структурна організація і семантична наповненість речення утворюють діалектичну єдність, точніше синтаксична конструкція набуде статусу речення тоді, коли вона відповідатиме існуючим у ньому законам синтаксичної і семантичної валентності. Отже, для структури речення як комунікативної одиниці однаково важливим є формально-граматична будова і семантична наповнюваність.

Поняття про мінімальний структурний тип речення (структурний мінімум) тісно пов'язане із проблемою виділення вихідних схем, які формують і характеризують певну групу простих речень. Кожне елементарне речення складається з предикативного елемента як центральної семантичної ланки і одного чи більше аргументів, що супроводжують предикат. Відношення між дієслівним предикатом і аргументами завжди мають напрям від дієслова до поширювачів: дієслово визначає кількість і характер аргументів і, що найважливіше, воно завжди не змінює свою семантику залежно від того, з якими б іменами воно не поєднувалося у реченні. Отже, його граматична семантика максимально пристосована до вираження предикативності, а у його лексичній семантиці, немов у «згорнутому» вигляді, міститься макет структури речення.

Мінімальна реченнєва структура визначається як «...така семантико-синтаксична одиниця, компоненти якої зумовлюються валентнісно-інтенційними властивостями дієслівного предиката і за зразком якої утворюються мінімальні, але достатні у структурному й інформативному відношенні речення конкретної мови» [1:124]. Відповідно до цього, під поширеним структурним типом розуміється повніше, ніж мінімальний структурний тип, речення, яке має, окрім обов'язкових, і факультативні поширювачі.

И. Андерш, порівнюючи структури простих речень чеської та української мов, прийшов до висновку, що оптимальним є їх аналіз у двох аспектах — формальному і семантичному. «З першим пов'язується конституювання валентнісних структур речення, а з семантичним інтенційних. Доцільно розрізняти два різні визначення валентнісних та інтенційних структур речення — абстрактний і конкретний, виділяючи на першому з них абстрактні валентнісні та інтенційні типи мінімальних реченнєвих структур, а на другому — їх конкретні морфо-